

Барбара Морриган

СЕДЬМАЯ СМЕРТЬ

Барбара Морриган

Седьмая смерть

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
М80

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Морриган Барбара

М80 Седьмая смерть / Барбара Морриган. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 20 с.
ISBN 978-5-4496-6849-3

Брэдли Андерсон чувствует себя проклятым: все женщины, с которыми он сближается, трагически умирают. С самого детства в нём формируется страх неспособности защитить ни одну из тех, кто ему дорог. После смерти матери жизнь Брэдли окончательно летит под откос: он теряет всё и опускается на самое дно, в объятия депрессии и отчаяния. Но однажды в его жизни появляется та, кого он ни за что не позволит себе потерять...

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Моей бабушки Агнесс не стало за день до моего рождения. Именно с этого всё и началось. Знаю, что это прозвучит глупо, но мне кажется, что на мне висит древнее цыганское проклятие. Либо мне действительно НАСТОЛЬКО не везёт... В общем, все женщины, когда-либо бывшие мне близкими, умирают.

Бабушка была странной женщиной: неожиданно бралась за изучение японского, забиралась подлатать осыпавшуюся черепицу посреди ночи, и могла пропадать чёрт-знает-где целыми неделями. Но мы даже были чем-то похожи: например, умением доставлять окружающим предостаточно проблем. Только если она, судя по рассказам мамы, отравляла всем жизнь маниакальными идеями, то я скорее просто идиот и рушу всё вокруг своим неумением взять происходящее под контроль. Даже тогда, в день своего рождения, я, сам того не желая, подтолкнул её к смерти. Конечно, звучит как мистическая теория заговора, но с того дня меня не перестает преследовать эта нелепая череда совпадений.

Бабулю Агнесс я не знал, лишь слышал о ней пару раз, поэтому не придавал этой истории особого значения. А вот следующий удар настиг меня через семь лет. Я ходил на занятия по фортепиано к миссис Хиллз — знакомой моего отца, жившей в квартале от нас. Она была красивой женщиной с изысканно худыми руками и усталыми глазами. Мне нравилось, как её некогда пшеничные волосы перемешивались с седыми прядями, напоминая мерцающий сплав серебра и меди. Позже я узнал, что женщины обычно переживают из-за седины и всячески стараются её скрыть. Думаю, миссис Хиллз тоже пыталась бы, но, кажется, у неё едва оставались силы следить за собой. Каждый день она носила одну и ту же выцветшую блузку, а причёска всегда представляла собой наспех собранный пучок растрёпанных волос. Да и дом её не отличался чистотой: чаще всего она просила не снимать обуви даже в дождливую погоду. Пожалуй, не покрытыми пылью оставались лишь два места: фортепиано и лакированный комод у входной двери. На нём стояли рамки со свадебными фотографиями и снимками темноволосого мужчины с большим горбатым носом и неаккуратными бакенбардами.

— Это ваш муж? — спросил как-то я.

— Да, — нервно улыбнулась миссис Хиллз.
— А где он сейчас?
— Уехал... Далеко, — она прикусила губу и отвела взгляд.
— А когда он вернётся?
— Пока не знаю, Брэдли, — учительница старалась сохранять максимально приветливый вид, — надеюсь, что скоро.

Когда я спросил у родителей, куда же запропастился мистер Хиллз, они рассказали, что Хиллзы развелись полгода назад. Миссис Хиллз не сменила фамилию, да и обращение предпочитала прежнее. Ходили слухи, что её муж ушёл к другой женщине, но в семь лет это тебя не особенно заботит. А вот её, похоже, заботило.

Мне нравилось приходить к миссис Хиллз — на её занятиях никогда не было скучно. Порой мы разучивали куда более сложные произведения, чем полагается второкласснику, но она специально упрощала их для меня. По мнению миссис Хиллз главное — это наслаждаться музыкой, вкладываясь в то, что тебе нравится. Жизнь слишком коротка для сухих этюдов Шитте!

Однажды во время ужина мама встала из-за стола, чтобы поднять трубку звонящего телефона. После нескольких секунд молчания она кивнула, будто бы звонящий мог различить этот жест через десятки миль и километры проводов. На следующий день мой урок музыки отменился.

Помню, как стоял в толпе людей, облачённых в чёрное, словно пингины, и робко прятался за отца. Прохладный ветер трепал волосы, а с неба изредка накрапывали едва заметные капли. Миссис Хиллз нашли мёртвой в её машине. Как вообще можно было случайно оказаться запертой в собственном гараже и отравиться угарным газом? И случайно ли?..

Я знал, что моей вины в случившемся нет, но почему-то ощущал неприятный груз на своих плечах. Я не понимал этого чувства, ведь мне даже не удавалось до конца осознать смерть как явление. Но почему меня так мучило произошедшее? Наверное, потому, что я чувствовал себя не чужим для неё человеком. Я будто бы

подвёл друга. Не увидел, не понял, не помог. Едва ли семилетний ребёнок может помочь отчаявшейся женщине, утратившей все возможные смыслы... Но мне казалось, что она улыбалась чуть шире, когда я плюхался на жёсткий табурет перед фортепиано, чтобы неуклюже попадать маленькими пальчиками не по тем клавишам.

С тех пор я больше не занимался музыкой, а жизнь вскоре вошла в привычное русло. Мы с отцом переехали из уютного пригорода северо-восточной Такомы и поселились в уродливой многоэтажке на Фаццет-Авеню неподалёку от средней школы. Мама же предпочла остаться в нашем старом доме, куда мы приезжали на выходные. Их с отцом отношения уже давно перешли в прохладно дружеские, а мамино здоровье не очень-то способствовало проживанию на шумных и пыльных городских улицах, поэтому такой расклад устраивал всех.

Не думаю, что я чем-то выделялся среди одноклассников — разве что был достаточно хорош в математике. А в остальном — обычный парень, иногда боязливо покуривающий одну сигарету на троих с парочкой таких же придурков и ежедневно покупающий в кафетерии один и тот же персиковый сок. Из всей этой рутины меня вырвало знакомство с Мэдисон. Мы встретились в летнем лагере, когда мне было четырнадцать, и это лето стало одним из лучших в моей жизни. Не знаю, что она во мне нашла, но чувства между нами вспыхнули очень быстро (если подростковую страсть вообще можно назвать чувствами). Поначалу она казалась не очень уверенной в себе — другие дети часто подшучивали над ней из-за крупной фигуры и постоянно топорщащихся в стороны кучерявых волос. Я же этого никогда не понимал: в процессе взросления меня довольно быстро стали привлекать фигуристые девушки, а потому я просто сходил с ума от её круглой задницы, которую можно было нежно сжимать в ладони как свежую зефирку-маршмеллоу. Меня завораживала её кожа цвета какао с молоком и миндальный запах её кудряшек. Когда мы оставались вдвоём, я совершенно не думал о том, что её волосы сегодня выглядят плохо, а короткие шорты открывают едва-заметные ямочки на бёдрах. Пожалуй, всё, о чём я тогда думал — это как бы не спустить в штаны каждый раз, когда она обнимала меня, прижимаясь ко мне тёплой мягкой грудью в жёлтой лагерной футболке.

Как я уже говорил, эта история была бы слишком обычной, если бы моё «везение» снова не вышло на сцену. За два дня до конца смены я здорово отравился чёртовыми хот-догами, к которым пристрастился благодаря местной столовой. Отцу пришлось приехать, чтобы забрать меня домой на машине, поэтому я так и не успел нормально попрощаться со своими лагерными приятелями. Было грустно покидать «Сильвер Крик», где я провёл полтора на удивление приятных месяца, но меня грела мысль, что хотя бы с Мэдисон мы ещё обязательно увидимся. Они с семьёй жили на Вэст Энде Такомы, и я уже успел утомить всех лагерных знакомых расспросами, поэтому знал даже номер автобуса, на котором мог доехать туда от дома всего за полчаса. Она записала свой телефон на фиолетовой разлинованной страничке, вырванной из девчачьего блокнота. Я помню эти цифры даже сейчас: два-двенадцать-восемьдесят-пять-ноль-шесть. Не знаю, может, я очень боялся забыть их, и они так плотно въелись в мою память, а может они просто хорошо и ритмично звучат, будто строчка какой-то песни. Поэтому глядя на отдалявшиеся деревянные домики «Сильвер Крик» из окна отцовской машины, я всё ещё был преисполнен надежд и волнующей радости. И чёртовых хот-догов, заставивших нас остановиться далеко не на одной заправке.

Через два дня мне сообщили, что обратный автобус из «Сильвер Крик» вылетел с горной дороги, пробив ограждение. Выжило четыре человека, чудом отделавшихся от тяжёлых травм. Как можно догадаться, Мэдисон среди них не было.

Это стало для меня куда большим ударом, чем я ожидал. Конечно, сложно сказать, что я был влюблён всей душой, но Мэдисон мне действительно очень нравилась. То время было волнующим и ценным для меня, а потому продолжать его хотелось вечно. Да и в целом можно себе представить, какие ощущения вызывает мысль, что ты буквально пару дней назад видел человека, чувствовал его тепло, слышал его голос, а теперь он где-то там, с пустым взглядом и переломанными ногами.

Тот случай заставил меня отдалиться от женщин. Не сказать, что они собирались толпами под моим окном, но всё же я время от времени замечал прямолинейные взгляды и недвусмысленные жесты в свой адрес. Однако, я попытался сосредоточиться на учёбе

и даже умудрился поступить в хороший колледж, где загорелся архитектурой.

В двадцать один я встретил Эмили. Наши отношения были... непростыми. Эми всегда казалась непохожей на других девушек — было в ней что-то отстранённое, даже холодное, но вместе с тем манящее. Она училась на факультете литературы, но, в отличие от тамошних замухрышек, теряющихся от смущения в любом разговоре, она всегда выделялась железной уверенностью в себе. Эми знала, какой она хочет видеть себя, свою жизнь, своё будущее. В её выпускной работе не было ни единого лишнего слова, чего обычно не ожидаешь от литературоведа, а комиссия и вовсе смутилась от того, как Эмили чеканно и точно отвечала на любой вопрос, даже слегка выходящий за рамки её компетенции. Думаю, именно из-за её хватки и системного подхода к вещам ей и удалось так быстро получить должность высокооплачиваемого литературного агента.

В отношении меня она всё же проявляла больше теплоты. Хотя иногда возникало ощущение, что я влюблён в самую настоящую снежную королеву. Поначалу мне приходилось долго и упорно тратить последние деньги из своей подработки в кофейне, чтобы сводить Эми на свидание в лучший ресторан. Годы шли, но даже когда мы начали жить вместе, она всё ещё сохраняла свои возвышенные отстранённые повадки. Мне приходилось съедать семь из восьми кусков заказанной пиццы, выбирая оттуда кусочки бекона только потому, что Эми не любила вегетарианскую. Она съедала этот чёртов один кусок, отложив корочку, после чего усаживалась поудобнее на диване с идеально прямой спиной и, едва касаясь, поглаживала меня по волосам, не отрываясь от мерцающего в темноте телевизора.

Не подумайте, она не была плохим человеком, и мы любили друг друга так, как умели. У меня не было достаточно опыта, чтобы я мог с кем-то сравнить наши отношения, и смешливая простая Мэддисон из прошлого начала казаться просто ребёнком без особых претензий. Мне казалось, что все взрослые женщины рано или поздно приобретают эту статность и учатся улыбаться одним лишь уголком губ, легонько приподняв бровь. Хотя в день, когда я сде-

лал ей предложение, она, конечно, искренне улыбнулась, обнажив крупные белые зубы.

Со временем я начал немного уставать от того, что моя жизнь крутится вокруг Эмили, а жизнь Эмили... вокруг Эмили. Друзья, приходившие на вечеринки со своими жёнами, рассказывали, как добрались автостопом до Вегаса или устроили себе марафон «Звёздных войн» на целую ночь. Их спутницы хохотали и обсуждали новый альбом «Линкин Парк» в то время, как моя жена потягивала Мартини и сдержанно улыбалась окружающим, иногда устало вздыхая. Я здорово ошибался, полагая, что загадочность Эми, которая привлекла меня несколько лет назад, заставит меня всегда сохранять к ней былые чувства. Мне всё больше хотелось проявлять эмоции, ввязываться в авантюры, взхлёб рассказывать о новом проекте, который я получил... но она то и дело сидела на телефоне, обсуждая очередной контракт с издателем, а после устраивалась с книгой на первом этаже, заставляя меня уснуть в нашей пустой постели в ожидании её.

Появление Алекс помогло нашим отношениям встряхнуться. Мне было двадцать семь, а Эми — двадцать девять, когда наша малышка родилась на свет. Во время беременности и сразу после появления Алексис, Эми стала гораздо мягче, внимательнее и отзывчивее, что растопило и моё сердце, а потому позволило забыть о разногласиях, копившихся годами. Но длилось это недолго — ровно через год моей маме стало совсем плохо.

Мы много лет следили, как её Альцгеймер прогрессирует, постепенно лишая её возможности делать даже простые вещи. Но стоит признать — мама держалась молодцом. Она всю жизнь проработала учителем химии, и её пылкий ум позволял ей до последнего сохранять чистоту рассудка. Даже когда болезнь усилилась, и её отстранили от работы, мама продолжала гореть любимым делом, занималась репетиторством и жадно поглощала профессиональную литературу.

Но теперь стало заметно, как её сознание почти угасло. Мне приходилось каждый день проводить всё свободное время с ней. Днём меня подменяла сиделка, но я старался максимально часто

и подолгу быть рядом. Поначалу Эмили с дочкой составляли мне компанию, но, когда мама совсем перестала узнавать нас, чужие люди в доме стали пугать её. Так что вскоре даже мне пришлось перестать открывать дверь своим ключом и каждый раз звонить в звонок, день ото дня объясняя, что меня якобы наняли помогать ей по дому.

— Брэдли... Какое красивое имя! — восхищалась она, заливая чайный пакетик апельсиновым соком, — я бы хотела назвать так своего сына! Или Джордж. Джордж тоже хорошо звучит, как думаете?

— Джордж звучит отлично, — натянуто улыбался я, — мне нравится!

— Так это же пианино! — восторженно ахнула она, приподняв пыльное покрывало, уже много лет укрывавшее старое фортепиано и делавшее из него подставку под цветы, и книги, — а вы умеете играть?

— Нет, — вздохнул я, — занимался много лет назад, но... не срослось.

Так странно было рассказывать всё это собственной матери. Порой я вживался в роль, и даже получал некоторое азартное удовольствие, заставляя её верить в свою легенду о том, что я просто нанятый помощник. Так я мог быть уверен, что не испугаю её. Конечно, она всё равно время от времени выпадала из реальности, и даже начинала кричать, когда я выходил на кухню за чаем, а после возвращался в комнату незнакомцем, по её мнению, вломившимся в её дом. Чаще всего мне удавалось убедить её, что всё в порядке. Так что с отведённой ролью я справлялся на отлично. Но как же невероятно больно было порой слышать от неё вопросы вроде этого. Играю ли я на пианино? Как же так, мама? Разве ты не помнишь, как его ввозили в наш маленький домик на северо-востоке города? Как придурковатый грузчик поцарапал дверной косяк, рядом с которым ты бережно развешивала кашпо с цветами и уличные фонарики? Как мы впервые касались тяжёлых белых клавиш и подбирали мою любимую детскую песенку?

— Ну сыграйте мне что-нибудь, — настаивала она, — что-нибудь красивое! Как умеете! Та-да-да-да-да... — неловко напела она, не слишком попадая в ноты.

Но я сразу узнал мелодию. Это был Рахманинов. Рапсодия на тему Паганини. Миссис Хиллз целую неделю составляла для меня упрощённый нотный лист.

Я сел за фортепиано и положил пальцы на западающие клавиши. Те отдались неприятным расстроенным звуком. Я перебрал несколько нот правой рукой, и примерно с третьей попытки смог воспроизвести основную тему мелодии.

— Да-да, какая замечательная музыка! — мама вдохновлённо хлопнула в ладоши, — я будто слышала её давным-давно!

— Я рад, что вам нравится, — процедил я, глядя в окно.

Я вспомнил, как спустился попить воды на первый этаж, когда мне было семь, и нашёл её плачущей на диване в гостиной. Это была их первая крупная ссора с отцом. Меня так злило и огорчало моё бессилие, что я вскочил за пианино и принялся играть. В тот месяц мама очень злилась, что я стал халтурить с домашними заданиями по музыке, а потому обомлела от того, что я выучил целое произведение. Кажется, она и вовсе забыла, почему плакала. Я чувствовал себя победителем.

В следующую неделю я каждый день играл для неё. Мне даже удалось раздобыть ноты, правда чуть более сложные, чем я привык. Закостеневшие пальцы не слушались, и я постоянно сбивался, но мама каждый раз заворожено слушала и беззвучно подпевала, шевеля тонкими сухими губами.

В тот вечер я сыграл Рапсодию целиком. Руки наконец-то привыкли к инструменту, и я почти перестал путаться. Заметив, что мама задремала на диване рядом со мной, я прервался и подошёл, чтобы как обычно отнести её спать, но она запротестовала.

— Брэдли, поиграйте ещё! Пожалуйста... — прошептала она, чуть вытянув шею. Её руки уже почти не двигались, лишь исхудавшие пальцы слегка подрагивали время от времени.

Я укрыв её пледом, снова вернулся за фортепиано и принялся играть. В горле неприятно саднило, а слёзы скапливались в уголках глаз, но я продолжал играть как завороженный. В детстве я просто ненавидел, когда она заставляла меня повторять одно и то же раз за разом! Но сейчас я не мог прерываться и играл снова и снова.

Утром она умерла.

С того момента всё полетело под откос. Я настойчиво отрицал депрессию как явление, и уж точно не подозревал, что она может настигнуть меня. Ха-ха, как же...

Пока Эми уговаривала меня пойти хотя бы к психологу, я продолжал бравировать, всё сильнее распушая свой петушиный хвост. По утрам я влетал в офис с десятком новых правок для почти утверждённого проекта. Срывал сроки, но всё ещё неестественно улыбался, поглощая стаканы с кофе один за другим. Тем же вечером я напивался как последняя свинья. Не как в дурацких фильмах, где отвергнутый страдалец отправляется в тёмный прокуренный бар, нет. Я разваливался на диване прямо в гостиной и накидывался дешёвым пивом, пока мир перед глазами не начинал расплываться, а я не проваливался в отвратительный ещё сильнее выматывающий сон. Я и сам не заметил, как меня отстранили от проекта, а третий подряд счёт за дом так и остался лежать на нашем кофейном столике.

Эмили умоляла меня переехать в наш старый дом, где мама провела свои последние дни, но я был неумолим. Я ещё в первый месяц переписал его на отца, давно уехавшего куда-то в Теннесси. Мне кажется, я бы умер, если бы ещё хоть раз переступил тот самый порог. Поэтому вскоре мы оказались на улице.

Ещё пару лет мы таскались по съёмным квартирам, на аренду которых едва хватало зарплаты Эми. Я пытался перебиваться подработками, но с того дня, как меня уволили, я будто бы потерял способность что-то делать вообще. Архитектура была моей страстью много лет. Как после этого раскладывать чёртовы коробки с хлопьями по полкам супермаркета, провонявшего подгнившими овощами и замороженным мясом?

Ей понадобилось ещё три года, чтобы окончательно опустить руки. Признаться, я удивлён терпению своей бывшей жены. Когда они уезжали к отцу Эми в последний раз, четырёхлетняя Алекс уткнулась в её плечо и заплакала, лишь бы не смотреть на меня. Я бы и сам не стал на себя смотреть — обрюзгший, болезненный,

заросший неаккуратной бородой и опухший от постоянного помехля. Хотя сейчас отправляй на вручение премии «Отец года».

В последующие годы я узнал, что такое «настоящее везение». Например, найти арендодательницу, которая будет спускать тебе с рук двухмесячные задержки по оплате грязной тесной квартирki на Вэст Энде. Или получить работу на складе и сорвать спину всего два раза за год. В общем, маленькие мирские радости...

Из размеренной бытовой деградации меня однажды вырвал телефонный звонок: тётя Джойс скончалась в тюрьме. Не сказать, что новость вызвала у меня какие-то эмоции — мы никогда не навещали тётю и даже не говорили о ней. Джойс достаточно надела шума в своё время, чтобы стереть своё имя из истории нашей семьи. Но бюрократию никто не отменял, а потому мне пришлось тащиться за город, чтобы подписать какие-то идиотские бумаги. Однако, если бы не тот случай, я бы не познакомился с Мариной.

Я и сам не заметил, как из симпатичного, но строгого офицера полиции она превратилась в улыбчивую чернокожую пантеру, сонно опускающую на мою прикроватную тумбочку кружку горячего кофе, и кутающуюся в мою рубашку, щурясь от утренних солнечных лучей. Не знаю, что держало её рядом со мной, но тогда я предпочитал об этом не думать. Я не рассчитывал на долгую и счастливую жизнь с Мариной (да и вообще на таковую для себя не рассчитывал), но хотел ещё хоть ненадолго сохранить тот луч света, что она пролила на моё серое безэмоциональное существование.

Однажды я вошёл в двери тюрьмы, где она работала, чувствуя, как переливается её любимое вино в бутылке в моей наплечной сумке. Смена Марины должна была закончиться в восемь, и я уже предвкушал приятный вечер, но в восемь она не вышла. Да и вообще никто не вышел. Зал ожидания был на удивление пустым, лишь один молодой офицер иногда нервно выглядывал из кабинета и снова суетливо скрывался в дверях. Я прождал около часа, как, наконец, ко мне вышел сам начальник тюрьмы. Впрочем, задержался он ненадолго, торопливо пробормотав, что объявлено чрезвычайное положение в связи с гибелью нескольких сотрудников во время крупной потасовки заключённых. Я так никогда

и не открыл ту бутылку белого полусухого.

После того случая мне начало казаться, что я схожу с ума. Эти чудовищные смерти перестали быть простым совпадением. Но так ведь не бывает, это же глупо! Ужасно глупо! Думаю, глупее может быть только моё выражение лица, когда в один вечер в мою дверь раздался звонок.

— Здравствуйте! Вы — Брэдли Андерсон?

— Да, — я прокашлялся, подавляя хрипоту в голосе и плотнее запахивая старый халат.

— Меня зовут Алекс, — сдавленно проговорила тринадцатилетняя девчонка на моём пороге, — мама умерла.

Девять лет назад Эмили запретила мне общаться с Алекс, да и сама скоро перестала отвечать на звонки. Добиваться судебного запрета она не стала — я не настаивал на встречах. Конечно, мне тяжело было просто так отпустить их, но я понимал, что никак не смогу сделать их жизнь лучше. Денег мне едва хватало на то, чтобы ужинать наполовину просроченным супом из супермаркета, а любви... Во мне не осталось любви даже к самому себе.

Оказалось, в последний год Эми боролась с раком. Угасла буквально за несколько месяцев. Я просто не понимал, как реагировать на это. Почему же она не сказала? Знаю, что ничем не смог бы помочь, но всё же?...

— Ты сама приехала сюда? На поезде? — я нахмурился, вспомнив, что они жили у отца Эмили в Рэдмонде.

— На автобусе. Тут всего полтора часа.

У меня внутри всё похолодело от того, что тринадцатилетняя девочка приехала на вечернем автобусе из Рэдмонда совсем одна. Кто знает, что могло случиться!

Пока я помогал Алекс расположиться и сокрушался о смерти Эмили, я не мог подавить в себе леденящую мысль, что ещё одна близкая мне женщина умерла. Снова. Может, это и правда было ужасным проклятием, а может, я просто достаточно туп, чтобы не уметь защитить тех, кто мне дорог... Но это происходило. И я больше не мог закрывать на это глаза.

— Послушайте... Брэдли, — у Алекс язык не поворачивался называть меня папой, и я понимал, почему, — можно мне остаться?

— Конечно, — кивнул я, — время уже позднее! Я постелю тебе на диване, а себе надуую матрас, если он ещё не прохудился...

— Нет, — отвела взгляд Алекс, — совсем... остаться.

Я посмотрел на неё и непонимающе захлопал глазами.

— Но ты же живёшь с дедушкой. Он наверняка уже ищет тебя и волнуется! Кстати, нужно ему позвонить...

— Не надо, пожалуйста! — Алекс едва ли не вскрикнула, — пожалуйста, не говорите ему, где я!

— Почему? Что происходит?

— Он очень много пьёт... — после этих слов я покосился на кухонную мусорку, до отказа набитую пивными бутылками и осушенным за два дня «Джеком». Не знаю даже, кто из нас с отцом Эми был более достойным отбросом общества. Однако, я сосредоточился на словах Алекс, — а ещё это, — она задрала рукава серой толстовки с логотипом Рэдмондской школы. Её предплечья сплошь покрывали лиловые синяки.

— Это он сделал? — прошептал я.

— Да, — кивнула девочка, — я не могу туда вернуться. Я думала, он отстанет, когда мама заболела, но стало только хуже. Пожалуйста, разрешите мне остаться!

Алекс, накупившись, смотрела в окно машины. Утренний туман нещадно укрывал всё вокруг, поэтому дворники на лобовом стекле работали в полную силу. Алекс не разговаривала со мной с того момента, как я почти силой уговорил её сесть в машину, чтобы отвезти её в Рэдмонд. Да, она хотела остаться, но что она получит здесь? Я не смог бы оплатить ни её учёбу в хорошей школе, ни лечение в частных клиниках, да я даже не знал, где она будет спать, если в моём продавленном диване всё-таки заведутся клопы!

Однако, я чувствовал себя чудовищем, двигаясь в сторону Рэдмонда, где старый говнюк Уил Уокер уже наверняка ждёт её, напившись джином, на который он всегда любил спустить кучу денег вместо того, чтобы потратить их хотя бы на нормальную еду. Почему-то мой мозг отказывался верить в то, что Алекс говорит правду про все те ужасные вещи, которые он себе позволяет, и мне хотелось думать, что всё разрешится само собой. Она ведь давно живёт

с дедушкой, они хорошо друг друга знают, он станет её опекуном и будет заботиться о ней... Я ведь правильно поступаю, правда?

На секунду прикрыв глаза после почти бессонной ночи, я почувствовал резкий толчок. Видимо, я слишком близко подобрался ко «встречке», и проезжавший мимо автобус со скрипом вгрызся в бок моего старенького «Опеля». Машину снесло вправо, и она, перевернувшись несколько раз, приземлилась у обочины. В ушах звенело, и в первые секунды я ничего не мог понять. Придя в себя, я рванул к пассажирскому сидению и, отстегнув ремень безопасности, выполз из перевернувшейся машины вместе с Алекс. Она была без сознания, но дышала. Водитель автобуса уже бежал в нашу сторону, пока я в ступоре рассматривал бледное угловатое лицо, так сильно похожее на моё.

Та авария обошлась нам совсем не дорого... Ладно, точнее сказать: охренеть, как дорого, но в тот момент я благодарил Бога за то, что всё вышло именно так. Мне пришлось продать машину, чтобы оплатить лечение сломанной руки и выбитого зуба Алекс, но я был удивительно счастлив смотреть, как она поправляется. Когда она только вошла в двери моей квартиры, она казалась совсем чужим человеком, будто соседский ребёнок случайно забрёл не в тот район. Но сейчас, спустя несколько недель вместе, я вдруг увидел в ней свою Алекс. Я не видел, как она росла, но сейчас передо мной была лучшая версия меня и Эмили вместе взятых. Лисий взгляд Эми и мой громкий смех, привычка наклонять голову набок, когда слушает, и высовывать кончик языка, когда сосредоточена. Невыносимая своенравность, и совершенно чистая и искренняя душа. И её блокнот с карандашными рисунками... кажется, она делала это даже лучше, чем я на первом курсе.

В первую неделю я всё ещё искал пути отправить её домой. Я дважды дозвонился до Уила, но оба раза он был так пьян, что даже не поинтересовался, зачем я звоню. Да и вообще не уверен, что он понял, кто я. Наконец, в среду он позвонил мне сам. Но разговор был коротким — Алекс остаётся.

О, сколько раз я пожалел о своём решении!

В ночь, когда ей вырезали аппендикс, я был уверен, что сегодня же останусь без дочери.

Тем утром, когда я отвёз её в больницу с острым гайморитом, я был вынужден отправляться на собеседование прямо оттуда. Днём я работал в техподдержке, а ночью продолжал трудиться на складе, лишь бы оплатить Алекс лазерную пункцию и уберечь её маленький носик от длинных металлических игл толщиной с мизинец, которыми любят оперировать в бесплатных клиниках.

В её пятнадцать я, словно коршун, следил, чтобы она не вздумала замазывать воспаления от «ветрянки» тональным кремом. Я не знал наверняка, навредит ли это, но сюрпризов мне больше не хотелось. Хватило того, что моя нерадивая дочь, оказывается, не перенесла ветрянную оспу в детстве.

За всё время нашей совместной жизни в общей сложности Алекс сломала ногу, трижды отравилась, получила защемление плечевого нерва, обзавелась двумя шрамами и одним ожогом, а также перенесла ангину и моноклеоз. И я каждый чёртов раз был уверен, что моё проклятье наконец настигло и её. Женщину, неожиданно ставшую самой важной в моей жизни.

— К вам посетитель, — худощавая медсестра, улыбается впустив Алекс в палату. Она подходит к моей кровати и плотнее задёргивает шторку, отделяющую нас от других пациентов.

— Чего развалился? — смеётся моя бессердечная дочь, и я напругаю всю левую сторону лица, чтобы изобразить подобие улыбки, — ну и рожа у тебя, просто ужас!

Я тоже смеюсь, растворяясь в звуке её заливистого хохота.

— Как ты тут? — наконец, голос Алекс становится заботливым.

— Пятьдесят на пятьдесят, — отвечаю я, и мы снова взрываемся смехом.

Два дня назад из-за инсульта у меня отказала правая половина тела. Мне казалось, что я не настолько стар, но, видимо, моему телу виднее. — А ты как? Макароны доела?

— Ой, пап, ну какие макароны, — она фыркает и откидывает с лица непослушную прядь волос. Так странно видеть перед собой

взрослую семнадцатилетнюю девушку. Она ведь ещё недавно была такой маленькой... Нужно было что-то заподозрить, когда она купила себе футболку со Снуп Догом! Кажется, именно в этот момент наступает время выгонять детей из дома и больше никогда им не звонить.

— Смотри лучше, что у меня есть! — она с горящими глазами запускает руку в рюкзак и достаёт два билета на игру Рэйнерс, — у тебя две недели, чтобы выздороветь!

— Ты же не болеешь за Рэйнерс, — подначиваю её я, запинаясь из-за заплетающегося языка.

— Решила дать им шанс, — улыбается Алекс, — это мне Купер помог достать. Четвёртый ряд!

— Купер?

— Ну да. Представляешь, даже пригласил в кофейню, чтобы отдать, — она слегка смущается. Алекс часто рассказывала о своих друзьях, но о парнях всегда умалчивала. Думаю, ей было неудобно говорить об этом со мной, и я это понимал, а потому не докучал расспросами. А сейчас вот так просто рассказывает мне о Купере (о котором я, конечно же, давно всё изучил на Фейсбуке).

— Парень-то хоть хороший?

— Полный придурок, — Алекс корчит кривую мину, — прям как я люблю.

— Вы друг друга стоите, — я закатываю глаза. Или глаз. Не уверен, что второй двигается.

Стерев тень улыбки со своего лица, Алекс осторожно берёт мою правую руку и складывает мои пальцы в виде рокерской «козы». Я не могу сдержать улыбки. Что бы я делал без человека, который помогает мне оставаться панком в душе даже сейчас?

— Я приду завтра, хорошо? — тихо спрашивает она. Не знаю, что она хочет услышать. Она ведь точно знает, что я её жду. Всегда жду. И что она, конечно же, может прийти когда ей захочется. Она, наверное, и сама чувствует, что вкладывает в этот вопрос немую просьбу.

«Подожди ещё денёк, не умирай, хорошо?»

«Хорошо», — мысленно отвечаю ей я.

— Пап, — Алекс оборачивается ко мне перед тем, как уйти.

— Да?

— Я люблю тебя.

От этих слов всё внутри меня сжимается. Я не слышал их очень давно, даже вспомнить не могу, насколько давно. И уж точно никогда не ожидал услышать их от неё. Я ненавидел себя за то, что пропустил столько лет её жизни. Что, потеряв мать и жену, даже не попытался стать чем-то важным хотя бы для своей дочери. И, признаться, я был уверен, что она и сама никогда не простит меня за это. Каждую секунду нашей совместной жизни я боялся, что её не станет, как не стало всех тех, кто был мне дорог. Испытывал какой-то первобытный страх перед этим нелепым мистическим роком. Но она всё ещё здесь, взрослая, красивая, такая же дурная, как я. Такая же сильная и уверенная, как Эми. А я, как полный неудачник, лежу на больничной койке, но я готов вечно благодарить Бога за то, что с ней наконец-то всё в порядке. Может, моя жизнь, наполненная мраком и неудачами, прошитая красной нитью смерти и отчаяния, случилась для того, чтобы сейчас я наконец-то осознал, что хоть одного человека в ней я смог защитить?

— Я тоже люблю тебя, детка. Ты только обязательно приходи.

Барбара Морриган

Седьмая смерть

СЕДЬМАЯ СМЕРТЬ

Брэдли Андерсон чувствует себя проклятым: все женщины, с которыми он сближается, трагически умирают. С самого детства в нём формируется страх неспособности защитить ни одну из тех, кто ему дорог. После смерти матери жизнь Брэдли окончательно летит под откос: он теряет всё и опускается на самое дно, в объятия депрессии и отчаяния. Но однажды в его жизни появляется та, кого он ни за что не позволит себе потерять...

ISBN 978-5-4496-6849-3

9 785449 668493 >